

*ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ «ЛЮБОВЬ»:
ЗНАЧИМОСТНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ*

С.Г. ВОРКАЧЕВ, Е.А. ВОРКАЧЕВА

*Кубанский государственный технологический университет,
350072, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Московская, 2;
электронная почта: svork@mail.ru*

В статье рассматривается один из главных лингвокультурологических концептов – «любовь», имя которого входит в число лексических единиц, составляющих ядро лексикона естественного языка. Изучение способов его вербализации позволяет познать существенные черты и этнокультурную специфику языковой личности. Исследование значимостной, внутрисистемной составляющей концепта «любовь» показывает, что историческая семантика, воплощенная в «культурной памяти» имени концепта, отражается на распределении лексико-семантических вариантов и частеречных реализаций этого имени, определяет состав семантических множителей, используемых в лексикографическом описании этого концепта, а также участвует в становлении его синонимических и антонимических ассоциативных связей.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт, любовь, семантические признаки, семантический блок, лексикографическое описание.

Из всех проявлений морального сознания, наверное, ни одно так не привлекало внимание человека и не оценивалось им столь высоко, как любовь. Если судить о месте какого-либо культурного концепта в национальном образе мира по результатам свободного ассоциативного эксперимента – ассоциативному полю имени этого концепта, то имя любви, безусловно, входит в число лексических единиц, у которых число ассоциативно-вербальных связей значительно превышает среднестатистическое, и которые составляют ядро лексикона естественного языка.

Концепт любви непосредственно связан с представлениями человека о смысле жизни как цели, достижение которой выходит за пределы его непосредственного индивидуального бытия, он раскрывает сокровенную суть индивидуальности – её пристрастия, поскольку стихийный выбор, осуществляемый в любви, определяется важнейшими особенностями характера субъекта. Естественный язык представляет собой наиболее эффективный архиватор культурных смыслов – источник знаний о мире и человеке, в силу этого, как представляется, изучение концепта любви в языковом сознании дает

возможность познать существенные черты и этнокультурную специфику языковой личности как усредненного носителя определенного естественного языка.

Культурный концепт как многомерное ментально-вербальное образование, включающее в себя как минимум три составляющих: понятийную, образную и телесно-знаковую [13], обретает статус объекта лингвистического анализа именно благодаря последней, присутствие которой в его семантике отделяет лингвокультурологическое понимание концепта от логического, математического и семиотического.

Совокупность имманентных характеристик, определяющих место языковой единицы в лексико-грамматической системе еще от Ф. Соссюра получила название «значимости» (*valeur*) [21] или, в другом переводе, «ценности» [22], исследовать её свойства женеvский лингвист призывает не только по «оси одновременности», в синхронии, но и по «оси последовательности», в диахронии [21], последняя ось в случае значимостной составляющей культурного концепта раскрывается, очевидно, как «этимологическая память слова» [2], фиксирующая эволюцию внутренней формы лексической единицы, путь её «этимона».

В случае многозначности имени культурного концепта значимостная составляющая последнего [7] в синхронии описывается, прежде всего, через внутрипарадигматическую «равнозначность» и «разнозначность» лексико-семантических вариантов этого имени: отношения синонимии и омонимии в границах соответствующей словарной статьи; в число значимостных характеристик концепта входит также, очевидно, соотношение частеречных реализаций его имени, его словообразовательная продуктивность.

Настоящее – это «следствие прошлого», и поэтому вполне оправдан и закономерен интерес исследователей синхронного состояния языка к фактам диахронии, определяющим направление «семантической деривации» [11] и в «снятом виде» присутствующим в семантике слова в форме его «культурной» [3,26], «исторической» [9] и «скрытой» [15] памяти. Можно полагать, что

семантическая история лингвокультурного концепта «любовь» пофрагментно воспроизводится в современных частеречных реализациях его имени и отражается в распределении лексико-семантических вариантов этого имени в словарной статье.

Очевидно, исторически становление концепта любви связано с желанием, точнее, с его «бессознательной частью» – влечением, недифференцированным относительно аксиологического знака, в котором выделяемые Аквинатом стремление к чему-то хорошему (*concupiscibile circa bonum*) и антистремление – неприятие чего-то злого (*concupiscibile circa malum*) еще не различаются, этимологическим подтверждением чего является фонетически одноэлементное отличие корней, передающих полярные межличностные чувства в эволюции индоевропейских языков: ср. и.-е. **l-ub-* «любовь» и др.-исл. *ubbi* «ненависть» [14].

Производность любви от желания отмечается практически всеми этимологическими словарями русского языка: лат. *lubido, libido* – «влечение, страстное желание»; саскрит. *lubhyati* – «чувствует неодолимое желание», «алчет»; *lobhas* – «желание, жажда», *lobhayati* – «возбуждает желание, влечет» [24]. Желание в свою очередь индуцирует у своего субъекта положительную эмоциональную оценку, которая переживается как наслаждение, удовольствие [4], поскольку направлено на объект, воспринимаемый как ценность и способный удовлетворить определенную потребность этого субъекта. Любовное желание («вожделение»), в отличие от всех прочих видов влечения, направлено не просто на потребление объекта, а на получение его в свою личную сферу и на его сохранение в ней. Стремление сохранить объект в своей личной сфере вызывает у субъекта по отношению к последнему целую гамму каритативных проявлений: нежность, заботу о его благополучии, переживание ответственности за его судьбу, и, наверное, неслучайно «желание» в истории языка связано с «жалением», а любовь с верой/доверием и надеждой: гот. *lubains* – «надежда», *galaubjan* – «верить» [24, 25].

Таким образом, в концептуальной «формуле любви» как межличностного чувства более или менее четко выделяются такие семантические блоки, связанные отношениями производности, как: 1) дезидеративный, диахронически исходный, включающий желание получить объект в свою личную сферу и желание сохранить его в ней; 2) каритативный, производный от желания сохранить и уберечь объект; 3) оценочно-аксиологический, индуцируемый влечением к объекту любви как к благу, ценности; 4) оценочно-гносеологический, отправляющий к интересу, любопытству – теоретической оценке предмета любви, 5) аффективный, производный от всех предшествующих, включающий все виды эмоциональных проявлений, сопровождающих любовное влечение.

Как показывают наблюдения над толкованием концепта любви в лексикографических источниках, отдельные компоненты «формулы любви» гипостазируются не только в частеречных реализациях его имени, но и внутри словарного описания соответствующего лексико-семантического варианта в форме семантических множителей, отправляющих к компонентам того или иного семантического блока.

В русской лексикографии у имени «любовь» выделяется от двух [16]) до 8 [20] значений (лексико-семантических вариантов) и оттенков значения, однако в большинстве словарей у неё отмечаются три основных значения: 1) *чувство глубокой привязанности, преданности кому-, чему-либо; чувство привязанности; симпатии, расположения к кому-, чему-нибудь*; 2) *чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола; чувство влюбленности, влечения к лицу другого пола*; 3) *внутреннее стремление, влечение, склонность, тяготение к чему-либо; склонность, расположение, пристрастие к чему-нибудь* [12, 21, 18,]. Как можно видеть, современное лексикографическое ранжирование лексико-семантических вариантов лексемы «любовь» обратно по отношению к историческому порядку их появления: объектно недифференцированное стремление/влечение, из которого выделилось межличностное чувство, в словарях занимает последнюю позицию.

В словарном толковании любви в качестве «семантических множителей» используются где-то два десятка лексем, расположенных по частотному рангу следующим образом: 1 – «склонность»; 2 – «влечение», «привязанность»; 3 – «расположение»; 4 – «пристрастие», «симпатия»; 5 – «сердечный»; 6 – «внутренний», «тяготение», «предпочтение»; 7 – «стремление», «самоотверженный»; 8 – «увлеченность», «преданность», «охота», «вожделение», «интерес», «близость», «искренний», «вкус». Если сгруппировать эти множители по принадлежности к основным смысловым блокам, образующим семантику любви, то наиболее представительным будет аффективный блок, включающий «склонность», «расположение», «симпатию», «предпочтение», «увлечение», за которым следуют собственно дезидеративный («влечение», «тяготение», «стремление», «охота», «вожделение»), каритативный («привязанность», «самоотверженность», «преданность»), оценочно-гносеологический («интерес») и оценочно-аксиологический («пристрастие») блоки.

Семантические признаки концепта любви [5], участвующие в её лексикографическом описании, диффузны и растворены в синонимике – их приходится извлекать на поверхность путем объединения в тематические группы и последующего сопоставления передающих их лексических единиц и перифраз. Частотно наиболее представленным семантическим признаком оказывается «ценность» (привязанность, пристрастие), затем идут «желание» (хотение, влечение, стремление, тяготение) и «наслаждение» (расположение, симпатия, склонность), «немотивированность» (*сердечная* привязанность, склонность; избрание по воле, волею), «индивидуализированность выбора объекта» (предпочтение, избрание) и «гармония» (взаимное расположение, общие цели, интересы) и, наконец, «каритативность» (чувство *самоотверженной* привязанности, готовность отдать свои силы общему делу, чувство *преданности*).

Среди значений любви как межличностного отношения в лексикографии выделяются по объекту: I) любовь эротическая (*чувство привязанности,*

основанное на половом влечении – [23]; *чувство горячей, сердечной склонности, влечение к лицу другого пола* – [12, 18, 19]; 2) любовь родительская, братская (*чувство привязанности, основанное на инстинкте* – [23]; *чувство склонности, привязанности к кому-либо, вытекающее из отношений близкого родства* – [19], 3) «хорошее отношение» – дружеское расположение, симпатия (*чувство расположения, симпатии к кому-либо* – [18] и 4) любовь к ближнему (христианская), фиксируемая лишь словарем языка Пушкина [20].

Любопытно отметить, что значение эротической (романтической) любви, подразумеваемое практически всеми респондентами-носителями русского языка под «просто любовью», в некоторых лексикографических источниках не отражается вовсе [16], видимо, по причине того, что во время создания этих словарей «секса у нас не было», а во всех прочих это значение в словарной статье не поднимается выше второго места.

До трех словарных значений лексики «любовь» образуются путем метонимического переноса внутри «формулы любви» как межличностного чувства, включающего любящего (субъект любви), любимого (объект любви), отношения между ними и соответствующие переживания (чувство любви). Имя «любовь» переносится с чувства на предмет любви [12, 17, 18, 20, 23], на любовные отношения [12, 18, 20] и даже на физиологическую манифестацию любовного чувства [17, 20].

Словарные толкования предикатов любви перифрастичны и осуществляются главным образом через имена «любовь», «удовольствие», «привязанность», «склонность» и пр. и глаголы «чувствовать/ощущать»: *испытывать любовь, испытывать удовольствие, чувствовать глубокую привязанность, чувствовать сердечную склонность* и пр. [12, 18, 21, 23]. По сравнению с именем «любовь» глагол «любить» в лексикографическом представлении несколько более многозначен и получает от 3 [19, с. 519] до 10 значений и оттенков значения [23], преимущественно за счет антропоморфной метафоры, закрепленной в лексической системе языка, когда способность испытывать чувство любви и удовольствия приписывается животным,

растениям и неорганическим объектам (*Цветы любят солнце, Сосны любят песчаную почву, Рыба любит чистую воду, Масло не любит тепла, Кожа не любит сильной сырости*), и за счет наречной формы «любя» – *любовно, ласково, без злобы* [23].

Наблюдения над лексикографическим описанием и речевым употреблением предиката «любить» [6] показывают, что и в нем реализуются основные «этимологические блоки» семантики любви: аффективный (гедонические значения), аксиологический («ценить, признавать что-либо» [19], каритативный и дезидеративный.

Эти же блоки фиксируются в других частеречных и лексических представлениях концепта «любовь». Так, гедоническое значение закреплено за формой «любо» (*приятно, хорошо* – [16]; *по душе, приятно, нравится* – [12, 18]), за глаголами «облюбовать» (*найдя по вкусу, останавит на ком-, чем-нибудь свой выбор* – [12, 16, 18]) и «любоваться» (*рассматривать кого-, что-либо с восхищением, удовольствием* – [12]), за одним из лексико-семантических вариантов прилагательного «любимый» (*предпочитаемый всем остальным* – [18]; *отвечающий чьим-нибудь склонностям или вкусам* – [23]). Каритативное значение закреплено за одним из лексико-семантических вариантов прилагательного «любовный» (*очень внимательный, заботливый, бережный* – [12, 18]).

Синонимика имени «любовь», представленная смысловым рядом *любовь, влюбленность, страсть, увлечение, привязанность, обожание, сердечная склонность* и пр. [1, 10], сосредотачивается преимущественно на оттенках силы и глубины любовного чувства. Каритативное звено, присутствовавшее в древнерусском языке, этимологически сейчас восстанавливается лишь из синонимии прилагательных «любимый = милый», где «милый» восходит к корню «мир» (см.: [25]).

Формальная словообразовательная симметрия, существующая между любовью и нелюбовью, содержательно, однако, соответствует антонимии в семантических границах лишь одного (гедонического) лексико-семантического

варианта лексемы «любовь» – «расположение», «симпатия», «склонность» (ср. нелюбовь – *отсутствие любви*, неприязнь – [16]; *чувство нерасположения*, неприязнь – [12]; *неприязнь, чувство отвращения* – [23]), в то время как противоположностью любви-страсти выступает либо ненависть, либо равнодушие.

Итак.

Лингвокультурный концепт любви непосредственно связан с представлениями человека о смысле жизни и раскрывает сокровенную суть индивидуальности, а изучение способов его вербализации позволяет познать существенные черты и этнокультурную специфику языковой личности.

Исследование значимостной, внутрисистемной составляющей концепта «любовь» показывает, что историческая семантика, воплощенная в «культурной памяти» имени концепта, отражается на распределении лексико-семантических вариантов и частеречных реализаций этого имени, определяет состав семантических множителей, используемых в лексикографическом описании этого концепта, а также участвует в становлении его синонимических и антонимических ассоциативных связей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка / Зинаида Евгеньевна Александрова. – М.: Русский язык, 1986. – 600 с.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды: в 2-х т. / Юрий Дереникович Апресян – М.: Языки русской культуры, 1995. – Т. 2. – 767 с.
3. Бабаева Е.Э. Кто живет в вертепе, или опыт построения семантической истории слова / Елена Эдуардовна Бабаева // Вопросы языкознания. – М., 1998. – № 3. – С. 94–106.
4. Воркачев С.Г. К семантическому представлению дезидеративной оценки в естественном языке / Сергей Григорьевич Воркачев // Вопросы языкознания. – М., 1990. – № 4. – С. 86–92.
5. Воркачев С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт / Сергей Григорьевич Воркачев. – М.: Гнозис, 2007. 284 с.

6. Воркачев С.Г. Базовая семантика и лингвоконцептология: на стыке парадигм гуманитарного знания / Сергей Григорьевич Воркачев. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. – 540 с.

7. Воркачев С.Г., Воркачева Е.А. Концепт счастья в английском языке: значимостная составляющая / Сергей Григорьевич Воркачев, Елена Александровна Воркачева // Массовая культура на рубеже XX–XI веков: Человек и его дискурс. – М.: Азбуковник, 2003. – С. 263–275.

8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. / Владимир Иванович Даль. – СПб.: Диамант, 1998. – Т. 2. – 784 с.

9. Добродомов И.Г. Еще раз об исторической памяти в языке / Иван Григорьевич Добродомов // Вопросы языкознания. – М., 2002.-№ 2.-С. 103–108.

10. Евгеньева А.П. Словарь синонимов русского языка: в 2-х т. / Анна Павловна Евгеньева. – М.: Астрель-Аст, 2001. – Т. 2. – 856 с.

11. Зализняк Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» / Анна Андреевна Зализняк // Вопросы языкознания. – М., 2001. – № 2. – С. 13–25.

12. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка / Сергей Александрович Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.

13. Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода / Сергей Христофорович Ляпин // Концепты. Научные труды Центроконцепта. – Вып. 1. – Архангельск, 1997. – С. 11–35.

14. Маковский М.М. Язык – миф – культура. Символы жизни и жизнь символов / Марк Михайлович Маковский // Вопросы языкознания. – М., 1997. – № 1. – С. 73–95.

15. Николаева Т.М. «Скрытая память» языка: попытка постановки проблемы / Татьяна Михайловна Николаева // Вопросы языкознания. – М., 2002. – №. – 4. С. 25–41.

16. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Сергей Иванович Ожегов. – М.: Госиздат иностранных и национальных словарей, 1953. – 848 с.

17. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Сергей Иванович Ожегов, Наталия Юльевна Шведова. – М.: Азбуковник, 1998. – 944 с.

18. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1981–1984. – Т. 2. – 736 с.
19. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / под ред. А. И. Чернышева. – М-Л.: АН СССР, 1951–1965. – Т. 6. – 1460 с.
20. Словарь языка Пушкина: в 4-х т. – М.: Госиздат иностранных и национальных словарей, 1956. – Т. 2. – 896 с.
21. Соссюр Ф. Труды по языкознанию / Фердинанд де Соссюр. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.
22. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / Фердинанд де Соссюр. – М.: Логос, 1998. – 296 с.
23. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4-х т. / Дмитрий Николаевич Ушаков. – М.: Астрель-АСТ, 2003. – Т. 2. – 528 с.
25. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / Макс Фасмер. – СПб.: Астрель-АСТ, 2003. – Т. 2. – 672 с.
25. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. / Павел Яковлевич Черных. – М.: Русский язык, 1999. – Т. 1. – 624 с.
26. Яковлева Е.С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова / Елена Сергеевна Яковлева // Вопросы языкознания. – М., 1998. – № 3. – С. 43–73.

REFERENCES

1. Aleksandrova Z.E. Slovar sinonimov russkogo yazyka / Zinaida Evgenevna Aleksandrova. – М.: Russkiy yazyk, 1986. – 600 s.
2. Apresyan Yu.D. Izbrannye trudy: v 2-kh t. / Yuriy Derenikovich Apresyan – М.: Yazyki russkoy kultury, 1995. – Т. 2. – 767 s.
3. Babaeva E.E. Kto zhivet v vertepe, ili opyt postroeniya semanticheskoy istorii slova / Elena Eduardovna Babaeva // Voprosy yazykoznaneya. – М., 1998. – № 3. – S. 94–106.
4. Vorkachev S.G. K semanticheskomu predstavleniyu deziderativnoy otsenki v estestvennom yazyke / Sergey Grigorevich Vorkachev // Voprosy yazykoznaneya. – М., 1990. – № 4. – S. 86–92.

5. Vorkachev S.G. Lyubov kak lingvokulturnyy kontsept / Sergey Grigorevich Vorkachev. – M.: Gnozis, 2007. 284 s.

6. Vorkachev S.G. Bazovaya semantika i lingvokontseptologiya: na styke paradigm gumanitarnogo znaniya / Sergey Grigorevich Vorkachev. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. – 540 s.

7. Vorkachev S.G., Vorkacheva E.A. Kontsept schastya v angliyskom yazyke: znachimostnaya sostavlyayushchaya / Sergey Grigorevich Vorkachev, Elena Aleksandrovna Vorkacheva // Massovaya kultura na rubezhe KhKh–KhI vekov: Chelovek i ego diskurs. – M.: Azbukovnik, 2003. – S. 263–275.

8. Dal V.I. Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4-kh t. / Vladimir Ivanovich Dal. – SPb.: Diamant, 1998. – T. 2. – 784 s.

9. Dobrodomov I.G. Eshche raz ob istoricheskoy pamyati v yazyke / Ivan Grigorevich Dobrodomov // Voprosy yazykoznaneya. – M., 2002. – № 2.-S. 103–108.

10. Evgeneva A.P. Slovar sinonimov russkogo yazyka: v 2-kh t. / Anna Pavlovna Evgeneva. – M.: Astrel-Ast, 2001. – T. 2. – 856 s.

11. Zaliznyak Anna A. Semanticheskaya derivatsiya v sinkhronii i diakhronii: proekt «Kataloga semanticheskikh perekhodov» / Anna Andreevna Zaliznyak // Voprosy yazykoznaneya. – M., 2001. – № 2. – S. 13–25.

12. Kuznetsov S.A. Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka / Sergey Aleksandrovich Kuznetsov. – SPb.: Norint, 1998. – 1536 s.

13. Lyapin S.Kh. Kontseptologiya: k stanovleniyu podkhoda / Sergey Khristoforovich Lyapin // Kontsepty. Nauchnye trudy Tsentrokontsepta. – Vyp. 1. – Arkhangelsk, 1997. – S. 11–35.

14. Makovskiy M.M. Yazyk – mif – kultura. Simvoly zhizni i zhizn simvolov / Mark Mikhaylovich Makovskiy//Voprosy yazykoznaneya.-M., 1997.-№ 1.-S. 73–95.

15. Nikolaeva T.M. «Skrytaya pamyat» yazyka: popytka postanovki problemy / Tatyana Mikhaylovna Nikolaeva // Voprosy yazykoznaneya. – M., 2002. – №. – 4. S. 25–41.

16. Ozhegov S.I. Slovar russkogo yazyka / Sergey Ivanovich Ozhegov. – M.: Gosizdat inostrannykh i natsionalnykh slovarey, 1953. – 848 s.

17. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyy slovar russkogo yazyka / Sergey Ivanovich Ozhegov, Nataliya Yulevna Shvedova. – M.: Azbukovnik, 1998. – 944 s.

18. Slovar russkogo yazyka: v 4-kh t. / pod red. A. P. Evgenevoy. – M.: Russkiy yazyk, 1981–1984. – T. 2. – 736 s.
19. Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: V 17 t. / pod red. A. I. Chernysheva. – M-L.: AN SSSR, 1951–1965. – T. 6. – 1460 s.
20. Slovar yazyka Pushkina: v 4-kh t. – M.: Gosizdat inostrannykh i natsionalnykh slovarey, 1956. – T. 2. – 896 s.
21. Sossyur F. Trudy po yazykoznaniyu / Ferdinand de Sossyur. – M.: Progress, 1977. – 695 s.
22. Sossyur F. Kurs obshchey lingvistiki / Ferdinand de Sossyur. – M.: Logos, 1998. – 296 s.
23. Ushakov D.N. Tolkovyy slovar russkogo yazyka: v 4-kh t. / Dmitriy Nikolaevich Ushakov. – M.: Astrel-AST, 2003. – T. 2. – 528 s.
25. Fasmer M. Etimologicheskii slovar russkogo yazyka: v 4-kh t. / Maks Fasmer. – SPb.: Astrel-AST, 2003. – T. 2. – 672 s.
25. Chernykh P.Ya. Istoriko-etimologicheskii slovar sovremennogo russkogo yazyka: v 2-kh t./Pavel Yakovlevich Chernykh.-M.: Russkiy yazyk, 1999.-T. 1.-624s.
26. Yakovleva E.S. O ponyatii «kulturnaya pamyat» v primenenii k semantike slova / Elena Sergeevna Yakovleva // Voprosy yazykoznaniya. – M.,1998. – № 3. – S. 43–73.

LINGUOCULTURAL CONCEPT 'LOVE' : THE MEANINGFUL COMPONENT

S.G. VORKACHEV, E.A. VORKACHEVA

*Kuban State Technological University,
2, Moskovskaya st., Krasnodar, Russian Federation, 350072,
e-mail: svork@mail.ru*

The article considers 'love' as one of the basic cultural concepts which is extensively reflected in lexical strata of any natural language. The study of verbal expression of this concept helps understand the essential features and ethnic and cultural characteristics of linguistic identity. The research of its meaningful intersystem component shows that historical semantics reflected in the 'cultural memory' of the concept's name determines the distribution of its lexico-semantic variants, its presentation in parts of speech, the number of semantic factors to be used in lexicographic descriptions, and contributes to establishing synonymic, antonymic and associative relationships.

Key words: linguacultural concept, love, semantic features, semantic unit, lexicographic description.